

ценностей никаких общих нет. В этой ситуации может быть только и остается уповать на помощь государства. Мы про христианство много здесь говорили. Но не было бы волевого решения государства, может быть, не было бы никакого государства, христианской культуры русской и т. д. И нашей вселенской миссии. Не общества — государства... Без государства обойтись нельзя. В данном случае, стоило бы обсуждать не отвлеченные ценности, а механизмы обеспечения взаимной ответственности человека, государства и общества. Механизм, технологию, а ценности в эту колоду попадут, так скажем.

Как нам выбраться из омута отвлеченных размышлений «по поводу»?

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Докладчик обрушил на нас столь бурный, я бы сказал, селевой — состоящий из осколков теорий и концептов различного свойства и предназначения — поток своего сознания, окунул в такой глубокий омут его, что стоящая перед нами задача (скорее, ее можно считать сверхзадачей) подняться на поверхность, к делам земным, остается столь же сложной, сколь и необходимой.

Не посчитал нужным автор доклада руководствоваться также принципами простоты и экономии интеллектуальной энергии, впервые введенными в оборот еще в пору средневековья и лежащими в основе современной методологии познания. В соответствии с первым из этих принципов, «сущности не следует умножать без крайней на то необходимости». Следуя же второму, «напрасно пытаться посредством большего делать то, что может быть сделано посредством меньшего». Сформулировавший данные постулаты английский философ — францисканский монах XIV в. Уильям из Оккама, как помним, требовал срезать с

живого дерева познания паразитические терминологические напластования («бритва Оккама»)¹.

Оказавшись в зазеркалье абстракций с не до конца упорядоченным набором их, можно успокаивать себя сакраментальным: «Суша, мой друг, теория. Но дерево жизни пышно зеленеет».

Проблема, однако, заключается в том, что дерево Государства Российского, как и организм российского социума в целом, далеки от пышного цветения и нуждаются в серьезном лечении, в поддержании и даже восстановлении некогда присущих им духовных и нравственных сил. Поэтому «разговор об основаниях», который предлагает нам докладчик, требует и соответствующей основательности. А также такого рода обоснованности, что не абстрагируется от «тьмы низких истин», из которых во многом и сотканы, к сожалению, современные российские реалии.

В этой связи могу только присоединиться к прозвучавшему в ходе обсуждения мнению В.Н. Лексина относительно того, что центральная проблема семинара, ради уяснения которой мы намерены работать в течение года, заключена в трех словах: «ценности российского государства». Иными словами, *какую роль может (и может ли вообще) сыграть гуманитарное знание в подходах к осмыслению и осуществлению глобальной — на уровне национальной идеи — задачи сохранения и приумножения высших ценностей российской цивилизации через механизмы воздействия гуманитарной науки на формирование государственной стратегии и обеспечение потребностей практики в ходе реализации данной стратегии. Существуют ли такие механизмы? И если нет, то возможно ли их налаживание? Как и в каких формах?*

Отдавая полный отчет в том, насколько неразрывно связаны между собой и тесно взаимозависимы две ипостаси социальной жизнедеятельности — миропознание и миро-

¹ Специально об этом см.: Курантов А.П., Стяжкин Н.И. Уильям Оккам — М., 1978.

строительство — все же присоединюсь к прозвучавшему в ходе настоящей дискуссии мнению С.С. Сулакшина, что для достижения целей нашего семинара в цепочке анализа проблемы особую важность приобретает последний этап. Между тем в докладе он не выглядит достаточно обоснованным.

Остроту развернувшей сегодня дискуссии характеризует уже тот факт, что ряд уважаемых участников ее высказали скептическое отношение к самому объекту и предмету. В.М. Межуев солидаризировался с мнением Макса Вебера в части того, что государство вообще не рождает никаких ценностей, имея главной целью своей создание рациональной бюрократии. С.Е. Кургинян как бы развил этот тезис другим, заявив, что гуманитарная наука не в силах описывать ценности. Данное суждение было дополнено интересными наблюдениями, свидетельствующими, что априорно восхваляемые «ценности современной западной цивилизации» на самом Западе давно уже являются закрытой темой, серьезными мыслителями не поднимаемой.

И все же, если мы сделали первые шаги, быть может, и не совсем «в ту сторону», есть все основания к продолжению разговора. И первое, что хочется в этой связи сказать, относится к миссии государства в части его способности если и не генерировать и формулировать ценности, то в том или ином виде следовать их смыслу и духу в ходе своей практической деятельности.

Вспомним, что проблематика ценностей была внесена в социологию именно Максом Вебером, на суждение которого в другой связи уже ссылался сегодня В.М. Межуев. Опираясь на неокантианскую тезу, согласно которой любой человеческий акт предстает осмысленным лишь в соотношении с ценностями, в русле которых устанавливаются нормы поведения людей и определяются их цели, Вебер приходит к выводу, который, как я понял, не вызывает возражений участников настоящей дискуссии и который наиболее четко выразил С.С. Сулакшин: всякая акция должна начинать-

ся со слова «ценность». Всякая! Следовательно, и акция государственная.

В свете этого мы можем назвать высшую ценность, не следовать велению которой государство не может, не подвергая риску собственное существование. Ценность эта — самосохранение нации. Не уклоняться от решения — присутствующими и доступными институтам власти средствами и рычагами — проблем и задач самосохранения социума и обеспечения упрочения его положения в мире государство объективно обязано/вынуждено уже в силу того, что реализация этой функции составляет предпосылку и неременное условие самосохранения самого государства. Обеспечение же данной функции требует опоры в государственной практике на целую цепь исповедуемых данным социумом соподчиненных ценностей менее глобального масштаба и уровня.

Так обстоит дело, на мой взгляд, с проблемой высших ценностей государства в соотношении их с ценностями общества. Если, конечно, при этом исходить из понимания самой дефиниции «ценность» в контексте, близком к истолкованию данного понятия Толкоттом Парсонсом, который характеризовал ценности как высшие принципы, обеспечивающие согласие (*консенсус*) в любых

Художник А.И. Калашников

человеческих сообществах, включая социум в целом. А также считал, что власть «является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива...»².

Речь в данном случае, конечно, не идет о таких (впрочем, не столь уж редких в отечественной, да и мировой истории) обстоятельствах, когда у власти оказываются временщики, обеспечивающие и продлевающие свое существование за счет «пожирания» общества, заикленные на единственной доступной им ценности — ценности собственной власти, способные, как мне уже приходилось когда-то говорить, с комфортом обустроившись в капитанской каюте даже терпящего бедствие корабля. Последний пример тому — ельцинский режим.

Вопреки утверждениям адептов глобализации, склонных приравнять ее к унификации, остаюсь на той точке зрения, что ценность — категория не только историческая, но и национальная. Если иметь при этом в виду не просто набор или сумму абстрактных ценностных установок, а их национально окрашенную *систему и иерархию*. В иерархии ценностей, исповедуемых и разделяемых массовым сознанием того или иного социума, заключена одна из непеременимых составляющих национального менталитета, вмещающего в себя интеллектуальные и мотивационные установки, представления и стиль мышления. То есть все то, что в системе своей определяет характерные черты миропонимания нации, воплощающегося затем в специфике осуществляемого ею миростроительства³.

² Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т.П — М.: Мысль, 1997. С. 481.

³ «**Национальный менталитет**, подчеркивает психолог Е.З. Басина, — менталитет, характерный для данного народа и общества, являющийся сначала плодом, а затем и фактором культурно-исторического развития. «Единицами» такого менталитета выступают **коллективные представления**». См.: Басина Елена. Кривое зеркало Европы // Pro et Contra. Гражданское общество. — М. Осень 1997. С. 92.

«Время — деньги» — провозглашают столпы американского образа жизни. «Время — этическая категория» — заявляет русский ученый, мыслитель А.Л. Чижевский, артикулируя массовые представления своего народа относительно того, что всякая трата времени — своего и чужого — без соответствующих духовных, социокультурных приращений, приобретений (в том числе голое «делание денег») безнравственна. Уже этот «нюанс» способен свидетельствовать в пользу того, что понятие «ценности мировой/западной цивилизации» является идеологемой, не содержащей в себе четко выраженной сущности.

Итак, поставленная в качестве направления деятельности настоящего семинара проблема «Гуманитарная наука и высшие ценности Российского государства» представляется в принципе обоснованной и способной в итоге ее обсуждения дать позитивный результат. В ходе работы семинара предстоит, видимо, еще не раз возвращаться к «разговору об основаниях» и уточнению содержания исходных понятий дискурса, руководствуясь известным принципом: «о терминах не спорят, о терминах договариваются». В этой связи, в частности, требуется договориться о том, что мы будем вкладывать в понятие «ценности» и уточнить их иерархию и классификацию в приложении к решению поставленных семинаром задач. А также выявить реальные соотношения дефиниций «ценности» и «идеалы»; «ценности» и «интересы» (личностные, социальные, политические, экономические). Гуманитарные науки, как и любые другие, могут выполнять задачи обеспечения как фундаментального («чистого»), так и прикладного (практического) знания. Вопрос о том, в каком соотношении нам понадобятся эти разновидности знания для нашего конкретного случая, также еще придется уточнять.

Еще один важный момент касается имманентно присущих тем или иным гуманитарным дисциплинам и гуманитарной науке в целом познавательных возможностей, а также специфики исследовательского инструментария каждой из наук, которые могут/должны быть задействованы в

процессе предпринимаемого нами поиска. Иными словами, требуется ответ на поставленный И. Кантом вопрос, о наличии которого нам напомнил сегодня Ю.А. Красин: *как* возможна гуманитарная наука?

Что касается исторической науки, то важными инструментами познания в данном случае и могут и должны, на мой взгляд, выступать в первую очередь такие категории, как «исторический опыт» и «уроки истории».

Исторический опыт при этом выступает как квинтэссенция и результат тех остающихся актуальными в свете современных «вызовов времени» усилий, которые предпринимались обществом в решении стоявших перед ним конкретных задач на разных этапах эволюции этого общества. Понятие же «урок истории» базируется на том зафиксированном многими историческими изысканиями факте, что однотипные действия, имевшие место на разных этапах исторического прошлого, способны давать запрограммированно сопоставимый результат. «Человечество частично вознаграждается за великие бедствия теми великими уроками, которые из них вытекают» — писал американский писатель и издатель Кристиан Нестел Боуви еще полтора столетия назад, призывая извлекать из опыта прошлого и настоящего социально значимые уроки в назидание современникам и потомкам.

Стремясь задействовать данные рычаги актуализации исторического прошлого, коллектив профессиональных историков, в составе которого пришлось работать и мне, действуя в соответствии с единой программой, подготовил и выпустил в свет серию трудов, преследовавшую цель проследить ряд важных сторон и направлений развития российского общества в их эволюции на протяжении всех одиннадцати с лишним столетий существования отечественной государственности («от Рюрика до Путина»)⁴.

⁴ Собственность на землю в России: История и современность. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002; Административно-территориальное устройство России: История и

Появление данных исследований, смею утверждать, способствовало не только приращению эмпирического знания о прошлом нашей страны, но и показало возможности и направления использования исторического опыта и учета уроков истории в решении современных задач общественного развития.

Так, одна из значимых черт исторического опыта эволюции института собственности в России на протяжении веков ее истории, как показало «сквозное» исследование данной темы, состояла в установлении универсального характера данной проблемы в плане своей многосторонности и тесной спаянности составляющих ее аспектов. Являясь сферой проявления и столкновения экономических, социальных и политических интересов, проблема собственности на землю всегда входила и входит сегодня непременным составным элементом в духовный и душевный строй любого индивида, являясь для него ценностью всеобъемлющего характера, обретая функцию важнейшего компонента национальной ментальности. Забвение этого обстоятельства способно свести на нет самые внешне, казалось бы, разумные построения и хитроумные изыски, односторонне апеллирующие к соображениям экономики, политики, идеологии. Контрпродуктивными в плане действенности оказываются и аргументы конъюнктурных выгод финансового, фискального и иного скоротечного характера, когда им начинают отдавать приоритет, решая столь важный вопрос⁵.

«Земля — это Россия» — заявил П.А. Столыпин, выступая в Государственной Думе Российской империи в декабре 1908 года. Недооценка масштабов и значимости проблемы, ее места в иерархии высших ценностей личности, обще-

современность. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Представительная власть в России: История и современность. — М.: РОССПЭН, 2004; Государственная безопасность в России: История и современность. — М.: РОССПЭН, 2004; Административные реформы в России: История и современность. — М.: РОССПЭН, 2006.

⁵ См.: Собственность на землю в России... С. 581–586.

ства и государства, проявленные Государственной Думой Российской Федерации почти век спустя — уже в начале XXI столетия в ходе выработки и принятия Кодекса о земле, программирует серьезные социальные проблемы в будущем.

Анализ исторического опыта взаимодействия двух ветвей власти в России на протяжении веков⁶ убеждает, что только нахождение конструктивного баланса в определении роли, уравновешивающих друг друга функций, форм и методов подконтрольности в практике взаимоотношений начал представительности, с одной стороны, и государственного администрирования, с другой стороны, способны обеспечить стабильность и поступательность в укреплении государственного начала, а также необходимую степень эффективности в процессе функционирования всех его институтов. Поиск баланса ценностей представительной демократии и преимуществ рациональной бюрократии до сих пор не принес стране необходимых результатов.

Недооценка значимости этого опыта послужила одним из обстоятельств, определивших, в частности, неудачи административной реформы в стране. Другой важнейший, не до конца усвоенный урок истории в плане совершенствования начал управляемости в стране огромных пространств с многомиллионным населением, говорящим на разных языках и поклоняющимся разным божествам, сводится к тому, что административные усовершенствования в качестве подмены, эрзаца реформ социально-политических составляют, как свидетельствует опыт ряда веков российской истории⁷, явление, характерное для отечественного типа властвования. Явление, в немалой степени определяющее неудачи или малую эффективность процессов реформирования в целом. Суть его — в стремлении и надежде найти бюрокра-

⁶ См.: Представительная власть в России... С. 569–579.

⁷ См.: Административные реформы в России... С. 605–632.

тическую **форму**, способную компенсировать пороки социально-политического **содержания** Системы. Запрограммированную бесперспективность подобного рода ухищрений, ведущих в конечном счете к краху Системы, правомерно оценивать как урок и предостережение настоящим и будущим политикам.

При этом необходимо иметь в виду, что набор форм и методов администрирования является достаточно ограниченным. Так, прерогативы посадника времен Древней Руси как носителя функций, пользуясь терминологией академика В.Л. Янина, «административного централизма»⁸ и нынешнего полномочного представителя Президента в федеральном округе в сущности сопоставимы, свидетельствуя об извечной потребности власти в строительстве и укреплении собственной вертикали.

Суть проблемы развития и совершенствования данной сферы требует иной расстановки акцентов в иерархии ценностей Российского государства. Они заключаются не столько в изменениях самих форм и методов управления, сколько в коренной перестройке *стиля* администрирования, выявляющего себя в первую очередь в характере взаимоотношений власти и общества. Взаимоотношений, ненадежность которых являлась тем камнем преткновения, о который на протяжении веков разбивались многие и многие модернизационные начинания в стране.

Как видим, историческая наука имеет свой, наработанный рядом поколений исследователей, инструментарий в подходе к решению задач, поставленных в качестве проблемы настоящего семинара. Кроме того, она выступает в качестве самостоятельной социокультурной ценности, обладая способностью, не реализуемой в нашей стране по сей день, служить одним из инструментов обеспечения национального консенсуса. Показательно в этом отношении утверждение авторитетного на Западе и в России француз-

⁸ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. — М., 2003.

ского социолога и политолога современности Мориса Дюверже. «Среди факторов национального сплочения, — подчеркивал он, — ведущую роль, похоже, все-таки играет история»⁹.

В заключение нельзя пройти мимо того обстоятельства, что «гуманитарная наука» в проблематике семинара значится в единственном числе. Речь, таким образом, идет об уяснении характера и содержания *интегрированного* вклада гуманитарной сферы познания в решение стоящих перед нами задач. Хочется надеяться, что на этом пути к интеграции гуманитарных дисциплин нас не постигнет судьба языка эсперанто (кстати, *esperanto* по-латински — надеющийся). Один из возможных путей действенного объединения усилий представителей различных отраслей гуманитарного знания видится мне в следовании сформулированным еще американским социологом Робертом Кингом Мертоном основам научного анализа как особого социального института с присущими ему ценностно-нормативными регулятивами. В комплекс ценностей и норм, обязательных для любого исследователя, ученый включает четыре базовых «институциональных императива»: **универсализм, общность, бескорыстность и организованный скептицизм**¹⁰.

Хочется верить, что проявившийся в ходе работы уже первого заседания нашего семинара «организованный скептицизм» будет и дальше шагать в ногу с универсализмом в подходе к проблеме, общностью видения и понимания стоящих перед нами задач, бескорыстием в поиске истины, дополняясь последовательностью и настойчивостью в выработке механизмов, форм и методов воплощения инновационного знания в социальную и государственную практику.

⁹ Дюверже Морис. Политические институты и конституционное право // Антология политической мысли. В 5 т. Т. П. М.: Мысль, 1997. С. 660.

¹⁰ Социология сегодня: проблемы и перспективы / Мертон Р.К. и др. — М., 1965.